

Шесть лет назад, ещё до того как Фалесу был дарован титул принца, Гилберт сообщил ему в Миндис Холле следующее: история Созвездия не испытывала недостатка в кровопролитиях.

«Кровопролитие. Это настоящее кровопролитие?»

Взгляд Фалеса был сосредоточен на взволнованном Самеле. Текущее поведение гвардейца напомнило ему поведение бывшего герцога Северных территорий, вымещающим своё отчаяние в крике во Дворце Возрождения. Это была та же обида, печаль, боль... и последняя игра.

Атмосфера в хранилище стала такой подавляющей, что даже Белдин, закрывающий собой Фалеса, опустил оружие с ошеломлённым выражением лица.

Тяжелое дыхание Самела содержало в себе сдерживаемую ярость, Налги прикусил нижнюю губу, а Барни озадаченно поднял голову, словно являлся путешественником, утратившим путь в тумане.

Закриэль крепко сжал руками виски и низко опустил голову, не говоря ни слова.

Даже Быстрая Верёвка, изо всех сил притворявшийся, что его никак не затрагивает происходящее, имел задумчивый и удивлённый вид, не свойственный низкоранговому наёмнику. Он посмотрел на Фалеса.

«Что ты собираешься делать?»

Однако Фалес проигнорировал его и непоколебимым взглядом посмотрел в центр комнаты.

Наконец, спустя долгое время мёртвую тишину разрушил исчезнувший на некоторое время голос:

- О чём они говорят, Закриэль?

Испытывающий сложные чувства Фалес повернул голову.

У стоящего на коленях Барни Младшего расширились глаза. Он выглядел так, будто побывал в шторме. Его взгляд был наполнен замешательством.

- Отец? Джейдстар? Они...

Закриэль промолчал. Рыцарь слегка вздрогнул и немного повернул голову в сторону источника голоса. Он скрыл на несколько секунд выражение своего лица, чтобы его товарищи не смогли его увидеть.

Он не хотел, чтобы они увидели, как он выглядит. Никогда...

Однако Барни Младший что-то почувствовал в его молчании.

- Они были преданы... другому Джейдстару? Другому члену королевской семьи? – в прострации повторил Барни Младший. Он проигнорировал удручённый вид Налги и возмущение в глазах Самела. – Ответь мне!

Молчание Закриэля вынудило Барни Младшего говорить быстрее, чем обычно.

Налги фыркнул. Барни Младший повернулся в его сторону, словно просил о помощи.

- Спроси у своего отца; спроси у почтенного вице-капитана, - тихо произнёс Налги. Он до сих пор не мог избавиться от саркастического и обвинительного тона в голосе. - Он был зачинщиком, втайне встречавшимся с обеими сторонами, получал приказы сверху и давал обещания тем, кто починался ему... Жаль, что он ничего тебе не рассказал.

Расфокусированный взгляд Барни Младшего приобрёл фокус. Наер вздохнул, словно покорялся судьбе.

- Довольно. - Наконец, прозвучал тусклый и пустой голос Закриэля. Он убрал от висков руки, позволяя пламени факела осветить своё лицо. Он выглядел угрюмым и безжизненным, как мертвец.

- Почему вы не можете всё оставить в прошлом? - оцепенело произнёс Рыцарь Приговора. - Почему вы не можете оставить всё так, как есть? Не больше и не меньше, в самый раз. - В итоге в его пустом голосе всё же появился лёгкий намёк на эмоции. - Пусть всё закончится... Почему вы не можете этого сделать?

После его слов у многих гвардейцев изменились выражения лиц.

Плечи Налги задрожали. Он посмотрел на Барни Младшего и улыбнулся насмешливой жалкой улыбкой.

- И правда, почему мы не можем?

Вууш!

Барни Младший быстро вскочил на ноги! Его органы чувств, повреждённые алхимическим шаром, заставили его покачнуться, но спустя секунду он утвердился на ногах.

- Потому что Закриэль, если то, что он сказал, правда... - В этот момент безжизненные глаза Барни Младшего наполнились редким для него волнением. - Если Кровавый Год на самом деле... это значит... значит...

Он с жадностью посмотрел на своих товарищей в поисках ответа. Канон всхлипывал, Брюли хныкал, Тардин выглядел опустошённым, а Белдин и Наер обменялись взглядами.

Барни Младший выглядел так, словно искал поддержки... но его товарищи ему не ответили. Лишь Самел презрительно фыркнул.

Фалес тихо вздохнул, прочистил горло и заговорил в невыносимо тихой темноте:

- Барни, это означает, что люди, поклявшиеся в верности королевской семье Джейдстар, возможно, не предавали королевство, включая твоего отца. - Прозвучавшие в подземной тюрьме слова принца заставили глаза Барни Младшего ещё сильнее засиять.

Фалес чувствовал усталость и боль во всём теле, но он попытался придать своему голосу стабильности и звучать более дружелюбно. Он надеялся утешить бедолагу перед собой, которому была нанесена ужасная рана правдой.

- Или, по меньшей мере, их предательство было не абсолютным.

Слова принца вызвали различную реакцию среди гвардейцев. Кто-то опустил взгляд, кто-то

открыл рот, словно хотел что-то сказать, а кто-то закрыл глаза и вздохнул.

Однако Фалес не обратил на них внимания, продолжив медленно говорить. Его тон содержал в себе одиночество и печаль, которые редко можно было в нём обнаружить.

- Они по-прежнему верны Джейдстарам. Они лишь сделали так, как им приказали. Они выбрали сторону во внутренней борьбе королевской семьи, каждый служа своему господину...

«И они умерли в бою» - добавил про себя Фалес.

Лицо Барни Младшего слегка расслабилось, словно он испытал небольшое облегчение.

Гвардейцы притихли вне зависимости от того, знали они о правде или нет, имели высокие ранги или низкие.

Подземная тюрьма снова погрузилась в тишину. Быстрая Верёвка, наблюдающий за всем со стороны, ощутил, что на этот раз атмосфера была не такой невыносимой, как раньше.

- Это так, это так?.. - Барни Младший слабо кивнул. - Они всего лишь... всего лишь...

В стороне Закриэль издал протяжный вздох.

- Не вини их, Барни. - Глаза Рыцаря Приговора наполнились печалью. - Особенно своего отца. В то хаотичное время, семьи, клятвы, добродетели, преданность, традиции, королевская власть, близкие родственники, королевство, король, принцы... Среди этого многочисленного списка, они не знали, - Закриэль выдержал паузу, словно подбирал нужные слова, - кому они должны быть верны.

После этих слов Рыцарь Приговора опустошённо закрыл глаза и разжал кулаки, которые до этого держал крепко сжатыми.

Барин Младший оцепенело посмотрел на плитки пола. Он был наполнен конфликтующими мыслями и осознанием. Казалось, он больше ничего не мог сказать.

Однако в этот момент снова прозвучал презрительный смех Налги:

- Ха-ха-ха-ха...

Все подняли взгляды.

- Ты слишком оптимистичен, Закриэль, - Налги покачал головой. Его глаза были наполнены угрюмостью. - Ты забыл об одной части, самой ужасной для нас части.

Барни Младший опешил.

Лицо Фалеса напряглось.

«...Что?»

Голос Налги был наполнен болью, заставляющей других чувствовать, будто они задыхаются.

- Если это правда, скрывающаяся за Кровавым Годом, это значит... это значит, что мы...

Налги остановился, словно ему было трудно продолжить. Закриэль ничего не сказал, но на его

онемелом лице начали дрожать мускулы.

Казалось, Самел понял, что Налги имеет в виду.

- Теперь я понял, - произнёс он. Его удручённость давно исчезла. Теперь он впал в уныние. - Если Кровавый Год это кровавая внутрисемейная вражда, включающая отцеубийство и братоубийство... Барни, даже если я исчерпал все возможные способы, чтобы избежать заключения и безуданно искал помощи и мести, даже если ты приложишь все силы, чтобы искупить свои преступления хорошими делами, отправляя этого принца обратно в столицу...

Спустя несколько секунд выражение лица Барни изменилось, словно он что-то понял. На его бледное лицо вернулось немного крови, но его лицо снова застыло.

Облегчение покинуло его, сменяясь страхом.

Гвардейцы отреагировали по-разному. Кто-то выглядел облегчённым, словно с их сердец был снят мучавший их груз, кто-то оцепенело покачал головой, а кто-то нахмурился.

- Хотя мы обнаружили, кто был главным зачинщиком, кто работал с внешними силами за политическим переворотом; хотя мы доказали свою и наших боевых товарищей невиновность и преданность; хотя мы... - Самел подавился эмоциями. Он опустил голову и удручённо произнёс: - Это больше не имеет значения.

Тело Барни Младшего сильно покачнулось, словно в него прилетел удар тяжёлого молота.

- Ради правления королевской семьи, её репутации и авторитета Дворца Возрождения; будь то король Кессель, его наследник или даже всё Созвездие, никто из них не позволит отвратительной правде о Кровавом Годе быть раскрытой, не говоря уже о том, чтобы сообщать о ней людям и позволять миру узнать о ней...

Самел посмотрел на Фалеса. Его взгляд содержал в себе слишком много эмоций: ненависть, возмущение, горечь, отчаяние... Этот взгляд лишь добавил веса к тяжести на сердце Фалеса.

- Люди, которым мы поклялись в верности, используют любые доступные средства, чтобы скрыть правду, факты и исказить справедливость... Потому что по мнению людей, благородная и мудрая семья Джейдстар не может нести ответственность за события Кровавого Года. «Настоящим преступником» может быть только легендарный таинственный «заклятый враг» семьи Джейдстар. Правда навсегда останется за кулисами.

Барни Младший с ошеломлённым видом слушал слова Самела, словно эти слова говорил мертвец.

- Что же до нас... Наши товарищи, погибшие в бою, не дожили до наступления правосудия; тридцать семь человек, умерших от голода и болезней никогда не увидят тот день, когда с них будут сняты все обвинения, а выжившим придётся нести на себе печать предателей до конца своих дней.

Как королевские гвардейцы Созвездия, мы лишь можем быть и должны быть предателями, связанными с врагами!

Закриэль сильно задрожал, словно в него врезалась молния. Все его товарищи побледнели. Их глаза были наполнены печалью, словно они проходили через своё финальное испытание.

Речь Самела ускорила, становясь более холодной и безжалостной.

- Мы можем быть лишь грешниками, пренебрегшими своими обязанностями, бесполезными трусами! Мы никогда не сможем приоткрыть ширму, даже после смерти.

В тюрьме снова повисла застывшая и ужасающая тишина. Единственными звуками был лишь голос Самела.

Гвардеец начал хватать ртом воздух, пока медленно не восстановил дыхание. Отчаяние в его голосе уже достигло своего предела.

- Неважно, какими бы невинными и жалкими не были невежды; какими бы чистосердечными и преданными не были одинокие офицеры, как Барни; какими бы возмущёнными не были несправедливо осуждённые люди, как я, неспособные высказать своё негодование; какими бы жалкими не были шахматные фигуры, как твой отец, вынужденно оказавшийся в той ситуации; несмотря на всю несправедливость...

Барни Младший начал дрожать.

Самел продолжил с пустотой в глазах:

- Потому что... будучи королевскими гвардейцами, нам суждено быть жертвами и козлами отпущения... под девятиконечной звездой.

Фалес тихо слушал его речь. Он вспомнил онемелое и застывшее выражение на лице короля Кесселя Пятого, когда они стояли перед каменными урнами в семейной гробнице Джейдстар.

«"Я не знаю, насколько ты нас понимаешь, как и не знаю, какое представление ты имеешь о фамилии Джейдстар"».

Фалес сделал глубокий вдох, ощущая, как воздух в его лёгких уплотняется и наполняется холодом.

Закриэль отвернулся, словно больше не мог слушать слова Самела. Никто больше не видел его лица.

Самел поднял голову и произнёс:

- Вот почему Закриэль молчит и примеряет на себя роль козла отпущения; вот почему Налги не хочет искать справедливости, а хочет тихо уйти; вот почему после проникновения в тюрьму и достижения критической точки в ситуации, все предпочли включить дурака... потому что знали, что в этом нет никакого смысла, - в душераздирающей манере произнёс Самел.

Барни Младший с неверием посмотрел на своих товарищей. Многие, встречаясь с ним взглядами, стыдливо опускали головы. Закриэль продолжал молчать.

- Барни, на протяжении восемнадцати лет мысли, поддерживающие в нас жизнь, мысли об очищении наших имён, поиске справедливости и даже смехотворной мести, были иллюзиями. Наша борьба, наши надежды, наши желания и все вопросы, ответы на которые мы искали ради справедливости, правды, невинности, свободы... - Самелу нелегко давалась его речь. Он говорил с запинками. Его слова были наполнены незатихающей болью. - Все они бессмысленны.

Барни Младший механично развернулся на месте. Его взгляд стал более жёстким. Самел глубоко вдохнул и закончил свою речь ломанным смехом, направив взгляд в тёмный угол, тьма в котором была такой плотной, что там ничего не было видно.

- В углу истории нам, бывшим королевским гвардейцам, суждено быть похороненными в пыли. Нам никогда не увидеть справедливости.

Хлоп!

Казалось, тихие слова Самела были наполнены невероятной силой, заставившей Барни Младшего снова упасть на пол.

Наер тихо выдохнул, а Белдин остался неподвижен. Тардин, Брюли и Канон казалось, погрузились в перманентную оцепенелость.

В тюрьме снова стало тихо.

Налги с призрачной улыбкой посмотрел на факел рядом с собой. Пока свет освещал его лицо, он тяжело повернул голову, непривыкший к свету, и застонал.

- Знаешь, чему я больше всего завидую в тебе и что больше всего в тебе ненавижу, Барни? – удручённо произнёс Налги. – Ты жил во лжи эти восемнадцать лет, но ты хотя бы жил с надеждой. В этой тёмной и бездонной тюрьме... ты жил в единственном месте, которое мог осветить свет.

Пламя факела издало треск и погасло. Фигуру Налги снова поглотила ужасающая тьма.

Фалес мягко прикрыл глаза, чтобы не видеть обескровленное лицо Барни Младшего.

«"В истории Созвездия не было недостатка в кровопролитиях"».

В прошлом Фалес имел лишь поверхностное понимание слова «кровопролитие». Когда он обдумывал это слово, ему на ум приходила жизнь ребёнка-нищего в Заброшенных Домах Нижнего городского округа и подпольные драки между бандами.

Когда его личность изменилась, когда он побывал во многих местах, а его знания и восприятие расширились (хотел он этого или нет), Фалес смог посмотреть на Кровавый Год под различными углами. Безжизненность в семейной гробнице Джейдстар; полные отчаяния крики герцога Северных территорий; безмолвное почтение к мёртвым на Перевале Рэймана; ностальгия во взгляде ветерана Генарда по старым временам; взгляд Цветка Крепости, весёлый и серьёзный; рассеянный вид Уиллоу, когда он говорил о своей умершей сестре; сцена с одинокой спиной Королевского Гнева, стоящего напротив садящегося солнца; леденящая пустота башни Призрачного Принца; бледное дрожащее лицо Марины, рассказывающей ему свою историю.

В Кровавом Году застряло слишком много людей, не способных из него выбраться.

До этого Фалесу казалось, что он начал понимать жестокую сторону Кровавого Года... до этого момента; пока он не увидел жестокое и безжалостное недоверие и противостояние между королевскими гвардейцами, когда они воссоединились в Тюрьме Костей.

Это была истинная суть Кровавого Года. Это был вечный всепоглощающий кошмар, из которого никто не мог проснуться.

- Ха-ха-ха-ха... - Скорбный смех Барни Младшего прервал размышления Фалеса. Однако вопреки его ожиданиям, на лице Барни Младшего больше не было угрюмости и грусти, там была только улыбка. – Ха-ха-ха-ха-ха...

Застывшая, фальшивая и равнодушная улыбка. Он выглядел как цирковой клоун. Его улыбка походила на нарисованную улыбку клоуна. Это улыбающееся лицо пробуждало слабую тревогу в сердцах зрителей. Никто не знал, что скрывается за этой улыбкой.

Сердце Фалеса сжалось от боли.

- Понятно! – Закончив смеяться, Барни Младший произнёс громким блеклым голосом: - Аллен, Уолкер, Бобби, Морион, Лор, Голд, Череп, Рого...

Глава авангарда начал нервно произносить незнакомые Фалесу имена. Барни Младший ни на кого не смотрел, он лишь протянул руку к чернильно-чёрному потолку и дико засмеялся.

- Восемнадцать лет заключения. Мы пролили так много крови, держались так долго... но в действительности... в действительности это ничего не значило! – Барни Младший так сильно смеялся, что клеймо на его лице слегка исказилось. – Ради чего мы сражались? Ради чего жили? Ради чего умирали?

Никто не мог ему ответить. Налги посмотрел на него холодным взглядом, а Самел тихо фыркнул через нос. Закриэль словно превратился в статую. Он молчал перед обвинениями Налги, оправданиями Самела и вопросами Барни Младшего.

Тардин и остальные выглядели отстранёнными. Они утратили всю надежду.

Фалес покачал головой, отвечая отказом на вопросительный взгляд Быстрой Верёвки.

Смех Барни Младшего постепенно стал безжизненным и фрагментированным, после чего он снова упал на пол.

- Ради чего мы всё это делали?

Белдин ошеломлённо уставился на своего бывшего командира.

- Барни... - с трудом произнёс он, словно хотел поддержать полностью утратившего хладнокровие Барни, однако когда первое слово покинуло его рот, он больше не смог ничего произнести.

Однако в следующее мгновение действия Барни Младшего шокировали сердце и душу Белдина!

Кланг!

Барни Младший перестал улыбаться и поднял с пола свой меч.

Все были удивлены. Даже Закриэль поднял голову.

Глаза Барни были наполнены сетью кровеносных сосудов. Всё его тело задрожало. Взяв в руки меч, он посмотрел на его острие. После участия в нескольких битвах у меча отсутствовали некоторые части.

После этого он приставил меч... к своей шее.

В этот момент Фалес – осознавший, что Барни собирается сделать – резко изменился в лице!

<http://tl.rulate.ru/book/27483/1226367>